

HAL
open science

/A language role in the process of social and cultural identification of a speaker.

Nadejda Kriajeva, Lina Razoumova

► **To cite this version:**

Nadejda Kriajeva, Lina Razoumova. /A language role in the process of social and cultural identification of a speaker.. Vestnik Cheliabynskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, Philology. Art critic/ . , Volume 49/ 49 (34(215)), pp.99-104. halshs-00743764

HAL Id: halshs-00743764

<https://shs.hal.science/halshs-00743764>

Submitted on 19 Oct 2012

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

УДК 410

ББК Ш 100.3

Л.В. Разумова, г. Чита

Н. Кряжева, г. Клермон-Ферран

О РОЛИ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

Статья посвящена рассмотрению символической функции языка, обусловленной социокультурными представлениями и оценками говорящих. Данная функция выступает в качестве ведущей в процессе социокультурной идентификации говорящего и все чаще становится движущей силой перестройки статусных отношений внутри национальных языковых систем и разрабатываемых законодательных документов в области языка.

Ключевые слова: *социальные и языковые представления, языковой стандарт, периферийные формы французского языка, квебекский вариант французского языка, устная/письменная речь.*

В теории культурного развития высших психических функций, разработанной Л.С. Выготским, отмечается, что речь как высшая и сложнейшая форма поведения человека выступает как средство социальной связи, социального сотрудничества, как «средство вранения» человека в культуру и цивилизацию [1]. Из этого следует, что как язык, так и речь могут быть рассмотрены в достаточно широкой перспективе – перспективе социо-антропокультурной.

В рамках этого подхода речь предстает как один из видов повседневной практической деятельности человека, наряду с другими типами социальных действий – от самых простых, элементарных (манерой питаться, одеваться), до самых сложных – социально-ориентированных действий человека с себе подобными. Все эти типы повседневных практик, предоставляя человеку довольно большую свободу для проявления собственной индивидуальности, вместе с тем вписывают его в уже разработанные и сложившиеся в рамках определенной социокультурной группы схемы действий и правила поведения. Таким образом, в рамках любой культуры поведенческие реакции индивида, в том числе и речевые, не являются ни абсолютно спонтанными, ни абсолютно свободными, а определяются социальными

нормами, выработанными в ходе общественной практики и выступающими по отношению к поведению конкретного индивида в качестве регулятивных. Репрезентация этих социальных норм и знаний в психике конкретного человека обозначается в психологии терминами «воображение» [4], «представление», «мысленные образы», «внутренняя картина» [5]. Вопрос репрезентации знаний затрагивает сложную проблему представления и хранения информации в памяти человека. Согласно современным исследованиям [5. С. 256-257] хранение информации в памяти сопровождается двойным кодированием: образным и вербальным. Отметим, что, хотя в современной психологии данная проблема не нашла до сегодняшнего дня однозначной трактовки бесспорным представляется факт оперирования человеком при построении своей собственной речи и восприятия чужой представленийми языкового порядка. Во французской лингвистике этот тип представлений получил название «языковых представлений» (*imaginaire linguistique*) [10]. Языковые представления как один из частных случаев представлений в целом оценочны и отражают отношение говорящего к своей собственной, а также чужой речи. Отметим, что эта индивидуальная оценка и индивидуальные языковые представления обусловлены социальными оценками и представлениями, бытующими в обществе в отношении определенной языковой формы. Помимо этого социальная оценка формирует представления о языковой норме и языковой правильности, генерирует выработку прескриптивных норм, формируя и закрепляя в общественном сознании представления об иерархии языковых форм. Вместе с тем, психолингвистические эксперименты, проведенные группой квебекских ученых в 60-ые годы [11], показали, что социально-экономическая интеграция говорящих влияет на оценку говорящими не только эстетических качеств собственного языка, но и формирует социальную оценку этого языка. Востребованность на рынке труда, социально-экономическое благополучие говорящих становятся ведущими критериями социальной оценки языка. Такое отношение к языку современный французский философ П. Бурдьё назвал, «рыночным» [7]. Таким образом, в оценке социумом и индивидуумом определенного языка (языковой формы) тесно переплетаются как представления об эстетических качествах языка, так и представления социо-экономического порядка. Так, социально-политическое и экономическое доминирование англофонов в Канаде с середины 18 века привело не только к социальному обесцениванию французского языка в канадском обществе, его функциональной деградации, образно обозначенной Ж.-Л. Корбейем «анемией квебекского варианта французского языка» [8], но и к усвоению этой отрицательной социальной оценки французского языка

самими канадскими франкофонами. Появившееся в лингвистике в связи с этим понятие «комплекса языковой неуверенности» (*insécurité linguistique*), являясь одним из частных случаев языкового представления в целом, хорошо иллюстрирует это влияние представлений, бытующих в обществе, на представления индивидуальные.

Как отмечалось выше, проблема языкового представления необходимым образом поднимает вопросы иерархии языковых форм, используемых в конкретном обществе, их соотношения с языковым стандартом, вопросы, которые ниже будут рассмотрены на примере квебекского варианта французского языка.

На эпilingвистическом уровне, вопрос иерархии языковых форм в Квебеке тесно связан с социокультурной спецификой функционирования французского языка на североамериканском континенте. Эта специфика определяется, прежде всего, условиями миноритарного положения французского языка в Канаде, а также необходимостью его выживания в условиях постоянной конкуренции с английским.

С другой стороны, и само отношение бывшей метрополии (Франции) к дочерним формам французского языка (бельгийской, канадской, швейцарской и др.) не отличалось до недавнего времени «нежными чувствами». Не секрет, что в течение многих десятилетий описание форм французского языка за пределами Франции опиралось на их сравнение с языковой нормой, разработанной на основе парижской. Специфические условия существования и функционирования, а также разное время распространения французского языка на многочисленных территориях вне метрополии не могли не привести к его пространственному варьированию. Несмотря на эту, казалось бы очевидность, все названные выше варианты, в том числе и квебекский, признавались не соответствующими французской языковой норме, «периферийными», в конечном итоге - ущербными. Иными словами, ранняя концептуализация понятия языковой нормы (языкового стандарта) во французской, да и в целом, европейской лингвистике привела к постепенному признанию исследовательской абстракции «стандартный язык» как единственно верно и полно отражающей язык в целом, а значит, единственно достойной серьезных научных исследований. Вследствие этого, формы речи, не соответствующие общепризнанной норме, стандарту относились к субстандартным и вытеснялись из числа объектов, достойных серьезного лингвистического анализа и постоянного наблюдения ученых, а французский язык стал постепенно ассоциироваться исключительно лишь с его стандартной (парижской) формой. «Идеология языкового стандарта» [13] в итоге

способствовала тому, что к началу XX века французский язык стал рассматриваться исключительно как однородное, монолитное явление. Отметим, что большинство теорий языка, разработанных до 60-х годов XX столетия (среди которых, в первую очередь, следует назвать структурализм) «взросло» именно на идее монолитности и однородности языка. Лишь с 60-х годов развивающееся социологическое направление в описании языка способствовало постепенному пересмотру сложившейся концепции языка: из некоей унифицированной абстракции, «языка в себе», он все чаще стал рассматриваться в тесной взаимосвязи с конкретными речевыми практиками различных групп его носителей, а значит как явление разнородное. Однако, как отмечает П. Бурдьё, французский язык и сегодня устойчиво ассоциируется в общественном сознании с иерархически организованной системой узусов, следствием которой выступает признание неравнозначности, подчиненности периферийных вариантов французского языка парижской норме, обесценивающей эти варианты на мировом «языковом рынке» символических ценностей [7]. В силу эпилингвистических особенностей существования, отмеченных выше, в этой иерархической системе узусов квебекскому варианту французского языка в течение долгого времени отводилась низшая ступень. Подобная негативная оценка наряду с двойным комплексом языковой неполноценности, сформировавшимся у квебекцев (как по отношению к англофонам, так и по отношению к франкофонам Франции), способствовали в семидесятых годах выработке в квебекском обществе изоляционистских настроений. Одним из следствий этого положения дел явилась развернувшаяся в квебекском обществе дискуссия о необходимости тщательного изучения и внимательного отношения к региональным вариантам французского языка. Начатые в это время социалингвистические исследования региональных вариантов французского языка за пределами Франции позволили уйти от узко нормативистского подхода и развить новый, дескриптивный подход. Он способствовал отграничению собственно языковых характеристик конкретного варианта французского языка от психосоциальных представлений. В конечном счете, это позволило переосмыслить ценность периферийных вариантов французского языка, как самими говорящими на региональных формах, так и международному франкофонному сообществу в целом. Все чаще лингвисты стали высказывать мнение о необходимости не только описания, но и нормализации вариантов французского языка за пределами Франции. Констатируя сложившееся к настоящему времени положение в области нормализации вариантных форм французского языка, бельгийская исследовательница М.-Л. Моро [14] отмечает, что в ряде франкофонных

стран уже имплицитно существуют собственные языковые нормы французского языка. В настоящее время, таким образом, речь идет не о их разработке, а скорее о признании факта их существования, даже если до этого упомянутые нормы не были эксплицитно описаны.

В каком отношении к языковому стандарту французского языка Франции находятся эти недавно осознанные как относительно отдельные национально-территориальные стандарты французского языка?

Квебекский вариант французского языка выявляет сложную и неоднозначную ситуацию двойного языкового стандарта на уровне анализа письменная/устная речь. Известно, что в исторической перспективе устная речь предшествует и постепенно обуславливает появление письменной. Последняя появляется как фиксация устной, т.е. как знаковая система второго порядка. Вместе с тем, дальнейшая эволюция письменной речи показывает, что она все больше тяготеет к самостоятельности и отделению от устной, иными словами, к становлению знаковой системы первого порядка, обуславливающей устную речь [1]. Подчеркивая именно это новое положение письменной речи в современном обществе, французская исследовательница М. Ягелло отмечает, что современный человек все больше стремится говорить так, как будто мысленно пишет [19, с. 48]. Действительно, в современном обществе письменная речь, характеризуясь существенной самостоятельностью, развивает свои собственные речевые жанры и все больше влияет на устную речь. Отметим, что во французском языке как и в большинстве европейских языков, понятие языковой нормы, стандарта разрабатывалось на основе письменной формы речи, ввиду ее большей стабильности, меньшей проницаемости и вариативности, а также лучшей делимитации. В связи с этим устная речь во всех ее быстро меняющихся проявлениях оказывается в позиции подчиненной письменной речи и концептуализируется в большинстве случаев как субстандартная. Отметим, что письменная форма французского языка в Квебеке была ориентирована всегда, включая и настоящее время, на языковой стандарт письменной речи во Франции. Устная же речь, основанная на ряде диалектов центральной и западной части Франции и впитавшая некоторое количество локальных черт в условиях контактирования с английским и индейскими языками, начинает развивать собственное койне, общую устную форму, отличную от парижской, только в 20 веке. Как известно, лингвистический анализ любой устной формы затруднен в связи с ее постоянной изменчивостью. К тому же, норма устной квебекской речи находится в стадии становления, чем еще в большей степени затрудняется ее описание. Тем

не менее, попытаемся определить ряд ее черт, которыми она характеризуется в социоисторической перспективе.

Исторические корни современной нормы устной квебекской речи берут начало в диалектах, ввезенных из Франции на североамериканский континент королевскими и церковными служащими, торговым людом. Французский язык Франции в этот период находился лишь в начальной стадии выработки единой языковой нормы. В связи с этим, «экспортированный» французский язык предстает скорее как некая мозаика региолектных форм, среди которых на первом этапе колонизации (в начале 16 века) ведущим коммуникативным средством выступает нормандский диалект, а на втором (17-18 века) – диалекты центральной и западной частей Франции (диалекты регионов Ile-de-France, Poitou, Saintonge, Aunis). Представляется справедливым мнение Ж. Перро, отмечающего, что приспособление к новым природным условиям и тесное взаимодействие с индейским населением в процессе освоения новых пространств, по всей вероятности, довольно быстро способствовали становлению единого койне, отмеченного присутствием индианизмов. Последние стали довольно рано специфическими чертами французского языка на американском континенте [15]. Редкие контакты с Францией, необходимость самостоятельного выживания в абсолютно новых условиях, новый жизненный опыт уже на этом этапе способствуют формированию у первых переселенцев иного, амбивалентного самосознания, сочетающего горячее желание сохранения родной культуры и языка с укреплением чувства своей инаковости, различия по отношению к Франции.

Середина XVIII века отмечена в связи с переходом французских земель Англии полным разрывом с французской культурой и языком-основой. Это проявляется во все большей архаизации французского языка, используемого на североамериканском континенте [2]. Социополитическое доминирование англичан, признание английского языка в качестве официального, изъятие французского из ранее многочисленных официальных контекстов его употребления, преимущественное употребление в деловой сфере и средствах массовой информации английского языка способствуют позиционированию устной формы речи квебекцев как маркера французской идентичности в начавшемся процессе противостояния французской и английской культур в Квебеке. Индустриализация и отток сельских жителей (представленных, в основном, франкофонами - 80% от общего числа населения) в города, где в целях выживания перед ними встает необходимость освоения английского языка, порождают психологическую реакцию языковой неуверенности и, как следствие,

провоцируют еще большую социальную и языковую поляризацию квебекского общества. Французский язык рассматривается франкофонами как язык длительной традиции, высокой культуры, являющийся носителем религиозных католических ценностей. В противовес французскому языку английский предстает как язык городов, лишенный корней и традиций, испорченный англиканским материализмом. Этот период ознаменован многочисленными кампаниями в защиту французского языка. Отметим, что словосочетания *la langue française*, *le français*, используемые до этого для обозначения французского языка Квебека, все чаще заменяются англичанами сочетанием *français canadien* (канадский французский), отрицательно коннотируемым англофонами наряду с сочетанием *nationalité canadienne-française* (канадско-французская национальность). В 1839 году лорд Дюргейм следующим образом описывает франко-канадцев: «Даже если бы мы могли, обязаны ли мы заниматься этой франко-канадской нацией? Я не знаю более неполноценного народа. Язык, законы и характер североамериканского континента должны быть английскими. Любая нация, кроме английской, является неполноценной...»* [16, с. 107]. Преимущественное использование французского языка в среде сельских жителей в ситуациях устного, неформального общения закрепляет его социальную и стилистическую маркированность как народной формы речи - *français populaire*. Отметим, что сочетание *français populaire* включает как количественный, так и качественный, аксиологический критерии. В количественном плане *français populaire* обозначает то, что относится к речи большинства говорящих. Аксиологическая составляющая *français populaire* может быть раскрыта, по мнению Ф. Гадэ [9], в его сопоставлении с понятием «стандарта», «нормы» при помощи дихотомических стилистических признаков высокий/низкий, изысканный/простой, тонкий/грубый, редкий/общепринятый. Таким образом, применительно к квебекской форме устной речи, *le français*, *le français canadien* обозначает в этот период речевую форму, маркированную стилистически (общепринятая, простая, разговорная, подчас грубая речь большинства населения) и социально (ее носителями выступают крестьяне). Эти черты *français canadien*, практически полностью сближающие его с *français populaire* (просторечием, в его традиционном понимании в русской лингвистической традиции), сохраняются до середины XX века. В общественном сознании, сначала англичан, а в последствии и франкофонов, *français canadien* постепенно приобретает отрицательное коннотативное значение «низкий, неполноценный».

Произошедшие в 60-ые годы XX столетия серьезные изменения в социально-политической жизни Квебека способствовали радикальному

пересмотру статуса французского языка в квебекском обществе [2, 3]. Признание французского языка официальным, определение основных направлений языковой политики, проводимой правительством Квебека, позволили выработать ряд конкретных мер по укреплению нового социального положения французского языка. Какими языковыми средствами должна выражать себя новая квебекская идентичность? Этот вопрос стал одним из самых обсуждаемых в данный период. Начатые еще в начале двадцатого столетия дискуссии в литературной среде подготовили квебекское общество к признанию квебекского варианта французского языка (*le français québécois*) как основного средства самоидентификации франкофонов Квебека. Что же представлял собой квебекский вариант французского языка в этот период? Как следует из предыдущего рассмотрения, его литературно-письменная форма, основанная на литературно-письменной норме Франции, не могла стать выразителем квебекской идентичности. Устная речь была представлена двумя разновидностями: сельским просторечием (*français populaire*) и городскими формами речи, обозначаемыми словом *joual* (жуаль от фр. *cheval*) подвергшимися существенной английской ассимиляции на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфонологическом. Самым известным, пожалуй, в это время становится жуаль, язык города Монреаля, стилизованный в пьесе М. Трамбле «Невестки» (*Michel Tremblay «Les belles-Sœurs»*, 1965). Громкий успех пьесы в 1968 году выводит жуаль на авансцену всех дискуссий о квебекском варианте французского языка. Попытки объявить его маркером квебекской идентичности не встретили одобрения в франкофонном обществе Квебека, обнаружив со всей очевидностью различные направления по обустройству (*aménagement*) французского языка в Квебеке. В качестве первоочередных были выдвинуты следующие задачи: улучшение качества квебекского варианта французского языка – *français québécois*, его освобождение от английских заимствований, разработка стандартных форм письменной и устной речи. Как отмечает ряд исследователей [6, 12, 17, 18], определение конкретных параметров квебекской нормы вызывает сложности в методологическом, научном, а также идеологическом планах. Вопросы определения языковой нормы связаны с предпочтениями этическими и политическими, а также с ответственностью за сделанный выбор, которую несут как исследователи, так и государственные институты, вовлеченные в процесс разработки и (или) кодификации языковой нормы.

В заключение отметим, что духовная и материальная жизнь носителей любого языка объективируется и осмысливается в единицах языка. Они становятся своеобразными свидетельствами бытия народа в конкретные отрезки Пространства-Времени и образуют прожитую,

пережитую, переживаемую, а значит живую ткань его истории. Истекшее время показывает, что разрабатываемый сегодня в Квебеке вариант французского языка, направлен на отображение социокультурной специфики квебекского общества в ее сочетании с солидными традициями языковой нормы Франции.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология / Л.С. Выготский - М: Апрель Пресс/Эксмо-Пресс, 2000. 1008 с.
2. Клоков В.Т. Французский язык в Северной Америке / В.Т. Клоков - Саратов: Издательство Саратовского университета, 2005. 400 с.
3. Разумова Л.В. Вопросы статуса и качества языка в языковой политике Квебека / Л.В. Разумова // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. Сб. тр., вып. 2 / отв. редактор В.Т. Клоков. Саратов, 2008. С 132-138.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн – СПб: Питер, 2001. 720 с.
5. Солсо Р. Когнитивная психология / Р. Солсо – СПб: Питер, 2002. 592 с.
6. Bal, W. Unité et diversité de la langue française / W. Bal //Rebouillet, André et Tetu, Michel. Guide culturel: civilisations et littératures d'expression française. – P.: Hachette. – 1977. P. 5-28.
7. Bourdieu P. Ce que parler veut dire / P. Bourdieu - P. : PUF, 1982. – 451 p.
8. Corbeil J.-C. L'aménagement linguistique du Québec / J.-C. Corbeil/ Montréal, 1980.
9. Gadet F. Le français populaire / F. Gadet – P.: Presses universitaires de France. Col. Que sais-je? – 128 p.
10. Houdebine A.-M. Imaginaire linguistique / A.-M. Houdebine // Moreau L. Sociolinguistique. Concepts de base, 1997.- P. 165-167.
11. Klinkenberg, J.-M. La crise des langues en Belgique [Электронный ресурс] / J.-M. Klinkenberg // <http://www.cslf.gouv.qc.ca/publications/PubF102/F102ch4.html>, 2008. Режим доступа – свободный:
12. Lafage S. De la particularité lexicale à la variante géographique ? Une notion évolutive en contexte exolingue / S. Lafage // Inventaire des usages de la francophonie : nomenclature et méthodologie. -1995. P. 89-99.
13. Milroy L., Milroy J. Social network and social class : Toward an integrated sociolinguistic model / L. Milroy, J. Milroy // Language in society, 1992, n 21. P. 1-26.
14. Moreau, M.-L. Le bon français de Belgique. D'un divorce entre norme et discours sur la norme / L.-M. Moreau // Blampain, D. et al. Le français en

- Belgique. Une langue, une communauté. – Louvain-la-Neuve: Duculot. – 1997. P. 391-399.
15. Perrot J. Les langues dans le monde ancien et moderne, 2-e partie : Pidgins et créoles / J. Perrot – P. : Editions du C.N.R.S. 691 p.
16. Ploudre M. Le français au Québec, 400 ans d'histoire et de vie / M. Ploudre – Québec: Les éditions Fides et les publications de Québec – 2000. 516 p.
17. Valdman A. Normes locales et francophonie / A. Valdman // La norme linguistique. – Québec-Paris : Gouvernement de Québec et le Robert. – 1983. P. 221-257.
18. Vezina, R. La norme du français québécois: l'affirmation d'un libre arbitre normatif / R. Vezina // Ploudre, M. et al. Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie. – Québec: Les éditions Fides et les publications de Québec – 2000. P. 395-411.
19. Yaguello M. Petits faits de langue / M. Yaguello – Paris: PUF, 1998. – 248 p.
- * Цитаты даются в переводе авторов статьи.

Статья публикуется впервые.

.....09.11.2010

L. Razumova, N. Kriajeva

A language role in the process of social and cultural identification of a speaker

The article is devoted to describing the symbolic function of language, conditioned by social and cultural representations and evaluations of the speakers. This language function helps to identify social and cultural background of a speaker and is mostly considered as a driving force which contributes a lot to changing of language level relations as well as it defines criteria in the sphere of language policy.

Key words: social and language representations, language standard, the outlying forms of French Language, Quebec French, spoken and written speech.

Сведения об авторах

Разумова Лина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой и французской филологии и лингводидактики Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.
Тел. (3022) 35 33 56

lina.razumova@mail.ru

Кряжева Надежда, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики университета им. Б. Паскаля (г. Клермон-Ферран, Франция)
e-mail: Nadejda.KRIAJEVA@univ-bpclermont.fr

Nadejda KRIAJEVA,
Maître de conférences, docteur en linguistique russe
à l'université Blaise Pascal
Laboratoire de Recherche sur le Langage (LRL), EA 999
Clermont-Ferrand
France

Adresse professionnelle:

Département d'Etudes Slaves
34, avenue Carnot
63037 Clermont-Ferrand Cedex 1
France

Adresse personnelle:

14 rue Kléber
63100 Clermont-Ferrand
e-mail: Nadejda.KRIAJEVA@univ-bpclermont.fr